

ГРАНИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
MUNICIPAL POLICY EDGES

Серия «Политология. Религиоведение»
2011. № 2 (7). С. 137–143
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 327.001

**Непредсказуемость российского политического процесса
(выборы мэра в Иркутске в 2010 г. как case-study).
Часть 2***

Д. В. Козлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу результатов выборов мэра в г. Иркутске в 2010 г. Автор рассматривает выборы в контексте сопоставления различных уровней развития политического процесса в современной России. Также анализируется возможность рассмотрения современного российского политического процесса в контексте различных теорий модернизации.

Ключевые слова: модернизация, выборы, мэр, политический процесс, восточный тип общества, западный тип общества.

Данная статья является второй частью статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала и посвященной теоретическому осмыслению специфики российского регионального политического процесса. В ней автор завершает рассмотрение различных составляющих синдрома Пая и анализирует возможности его применения для описания конкретных политических событий.

Оставляя в стороне детальный методологический анализ возможности использования концепции модернизации по отношению к современной России (см. первую часть статьи), все же отметим очевидность совпадения (за исключением двух очень важных характеристик, не упоминаемых Паям – эта особая роль государства и фактор манипуляции общественным сознанием, проявляющийся в самых разных формах). Но соответствующие российские реалии сразу приходят на ум в том, что касается таких пунктов, как: преобладание клика; высокая степень свободы в выборе политической стратегии; радикализация оппозиции; неинтегрированность политического процесса; непредставленность разных слоев в политическом процессе; разрыв между политическими ориентациями поколений; небольшой уровень консенсуса; различие между процессом принятия политических решений и чисто зрительской вовлеченностью в политику в режиме «зритель – шоу»; совмещение и взаимозаменяемость ролей в политике (особенно в том, что касается развития

---

* Окончание. Начало см.: Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1.

государственной бюрократии); отсутствие групп с структурированными и четко определенными интересами; недифференцированность общества; более определенная по сравнению с внутренней внешняя политика; преобладание экспрессивных составляющих политического поведения; возможность доминирования харизматических лидеров; отсутствие политических брокеров (их место занято так называемыми «медиаторами», имеющими мало отношения к неэлитным группам населения). Очевидно, что паевские категории помогают преодолеть упрощенную оценку политического процесса как с позиции власти (в данном случае все достаточно просто – выработка определенной идеологии, легитимирующей режим), так и с позиции анализа политики в рамках только взаимоотношений элит или простой критики идеологических оправданий режима. Одним из важных разделительных моментов является проблема массового политического участия, его форм, динамики, факторов, влияющих на него, и т. п. В этом смысле важным является различие между уровнями политического развития – федеральным и региональным, элитным и массовым [6; 2].

Для анализа специфики российского политического процесса интересным представляется обращение к реалиям региональных выборов, в частности мэрских выборов в Иркутске (март 2010 г.), результаты которых выглядят совершенно неожиданными. Естественно, что в масштабах всей страны можно найти аналогичные примеры, связанные с неожиданными проигрышами кандидатов на пост мэра от «Единой России» (Волгоград, Смоленск, Архангельск), но многообещающим выглядит именно возможность применения различных теоретических подходов в иркутском случае. Возвращаясь к упоминавшемуся гельмановскому противопоставлению элитного и массового уровней политического процесса, можно дополнить его различием федерального и регионального уровней, а также учетом характеристик Пая. Анализ иркутских выборов уместно начать с рассмотрения заявленной стратегии власти. Одна из таких современных стратегий связана с идеей оптимизации управления в стране. Она, в свою очередь, транслируется на региональный уровень. Именно данная логика использовалась и используется при реализации конкретного институционального решения, связанного с введением «назначаемости» губернаторов. В случае Иркутской области это на практике привело к неоднозначным результатам, далеким от заявленных целей. За короткий период по разным обстоятельствам сменилось несколько губернаторов (А. Тишанин, И. Есиповский, Д. Мезенцев). Всех их отличали и отличают различные подходы к управлению областью, различные стили такого управления. Но главный и очевидный вывод, напрашивающийся сам собой, – это отсутствие преемственности в управлении областью и нехватка «укорененных» в региональном сообществе институциональных механизмов такого управления. Надо отметить парадоксальность ситуации, когда действия, направленные, как было заявлено властью, на наведение порядка, приводят к ситуации прямо противоположной, характеризующейся продолжающимся отсутствием институциональных форм реализации такого желания. На практике это ведет к принятию управленческих кадровых решений в режиме руч-

ного управления, обусловленного только тактическими задачами власти и связанного с определенным сиюминутным преходящим раскладом сил в политическом пасьянсе. Причем это проявляется не только в случае с назначением губернаторов, но и в другом амбициозном административном проекте объединения регионов. В частности, в Иркутске ситуация региона-матрешки, где сосуществовали Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, после объединения отнюдь не проявилась, а еще больше запуталась (если рассматривать результаты процесса с точки зрения институциональной логики). Возникший новый субъект находится согласно собственному Уставу в довольно сложных отношениях с бывшим округом. Можно сказать, что вместо предыдущих «двух в одном» возникает некий субъект, который характеризуется сложными взаимоотношениями между собственно областью и территориальным образованием – наследником округа. В Уставе этим взаимоотношениям посвящена отдельная глава (Глава 3. Особый статус Усть-Ордынского Бурятского округа). Согласно Уставу, Усть-Ордынский Бурятский округ входит в состав Иркутской области как административно-территориальная единица с особым статусом, который устанавливается, в том числе, в целях: «...статья 17. Обеспечение сохранения и развития национальной самобытности бурятского народа и иных народов, традиционно проживающих на территории Усть-Ордынского Бурятского округа». По поводу сложно концептуализируемого в научном плане понятия «национальной самобытности» Устав говорит следующее: «...Органы государственной власти Иркутской области создают условия для сохранения и развития языков, культур и иных составляющих национальной самобытности бурятского народа и иных народов, традиционно проживающих на территории Усть-Ордынского Бурятского округа». В последнем случае указание на «иные составляющие самобытности» можно рассматривать как продолжающее тему «особости» «постокружной» территории, наследующей и продолжающей ситуацию институциональной неопределенности.

В этих условиях проблема городского уровня, связанная с выборами нового мэра Иркутска, превратилась в «крэш-тест» для губернаторской команды, проверку на прочность. В иркутском случае можно говорить о столкновении нескольких логик. С одной стороны, это логика неформального разрешения политических конфликтов, задействующая бизнес, власть, ее разные уровни, административный ресурс, партийный ресурс «Единой России», советские технологии работы с населением (встречи кандидата с учебными, трудовыми коллективами, включение мобилизационного механизма массовой поддержки, выступление по региональному телевидению со звонками в студию, агитация на улицах и площадях). И с другой стороны, логика выборной демократии, не встроеной в этот процесс, не укрошенной, не «суверенизированной».

В этом процессе логика власти проявляется через искусство управлять с помощью создаваемых властью и ею же контролируемых сущностей. Для «суверенной» демократии собственно демократия выступает как субститут, как подлежащая манипуляции, «укрошению» (но не «умертвлению» – !) сущ-

ность. В этом контексте и реализуется властная рациональность, выстраивается властный дизайн – выбрать нужного человека, решить проблему, все четко «оптимизировать». Эта рациональность I. Но дальше начинаются проблемы.

Обнаруживается невозможность прямой трансляции властной команды. Отсутствует выстроенный канал ее эффективного прохождения. Сначала задействуется региональный уровень «Единой России». Институт политической партии, который можно рассматривать как барочную лепнину, легитимирующую политический режим, украшающую его, но не являющуюся несущей конструкцией. Это проявляется в иркутском случае в «казусе» А. Романова, депутата Законодательного собрания, ставшего самовыдвиженцем. Данное выражение политической воли пытаются обуздать, используя партийную дисциплину. Но механизм не действует, и конфликт разрастается, сначала в рамках партийности, а затем Романов выступает с обращением к народу. Причем выступает как законченный популист, обещая снизить тарифы ЖКХ, что заставляет вспомнить ранние этапы развития феномена Жириновского. Интересно, что на предыдущих выборах мэра Иркутска в 2005 г. произошел похожий «инцидент». «Единая Россия» поддержала кандидатуру действующего мэра В. Якубовского. Но известный в то время иркутский политик и депутат Государственной Думы С. Дубровин, тоже состоявший в «Единой России», стал самовыдвиженцем. В свое оправдание он заявил, что состоит на партучете в московской партийной «первичке», поэтому решения иркутского отделения не являются для него обязательными!

Интересна логика региональной бизнес-элиты. Ведь именно она рекрутировала победившего кандидата. Но в этом случае можно говорить о своего рода «блуждающих атомах», ищущих политической карьеры не самой по себе, а, например, для прикрытия капитала. Причем в случае В. Кондрашова, чьи поиски увенчались встречей с КПРФ, тоже проявляется партийная специфика. Если «Единую Россию» мы можем сравнить с «VIP-клубом», то КПРФ как заявленная структурная оппозиция выступает не как часть традиционного политического процесса, ориентированного на идеологию, ценности и т. п. Скорее, можно рассуждать о примате рыночных отношений. КПРФ предстает как участник политического рынка, представляющий искомую политическую крышу. В данном случае такое поведение можно расценивать как политический цинизм, измену принципам (еще бы – коммунистическая партия, поддерживающая крупного бизнесмена), но в то же время работающий на выдвижение реальной альтернативы. Правда, в этих условиях вымывается политический смысл существования КПРФ, оппозиционность формализуется.

В результате всех этих процессов знаменитая вертикаль власти двоятся и троится, множится, начинают работать несколько вертикалей власти, несинхронизированных между собой. Такая ситуация ярко проявляется в случае с самим В. Кондрашовым. Интересным образом проявляется собственно региональная специфика, например, в случае поиска кандидатов самим губернатором. Его кандидат, отвечающий определенным рационально сформулированным интересам (связь с О. Дерипаской, опыт мэрской работы в Братске,

фээсбэшный бэкграунд), после начала взаимодействия с неучтенными региональными факторами быстро теряет в политическом весе. В результате губернаторская рациональность, подкрепленная вертикалью власти, оборачивается неэффективностью. Можно сделать вывод, что взаимодействие с региональными факторами приводит к неконтролируемости политического процесса. И эта неконтролируемость, развивающаяся подспудно, выходит на поверхность в случае мэрских выборов. Можно перефразировать заявленную выше идею, указав на то, что в регионе взаимодействуют несколько «авторитаризмов», что снижает эффективность авторитаризма в целом.

Мы видим реальную противоречивость авторитарной ситуации. Принимаются определенные технологические властные решения, выстраиваемые как проекция центральной вертикали, которые можно четко и по-военному оперативно сформулировать: решаем проблему, время – деньги, определяем круг задействованных нужных людей и т. п. Но отсутствует учет региональной специфики, и после начала возгонки лидером неизвестного региона проблемы начинают расти, как сложный ком. В расчет не принимаются неформальные настроения региональных элит (в этом плане показательно поведение вице-губернатора А. Битарова, подающего заявление об отставке со своего поста), традиционная разница интересов Севера и Юга в регионе, очень сильные протестные общественные настроения. В результате блестящие неформальные ходы нового губернатора, направленные на снятие действующего мэра Иркутска В. Якубовского путем предоставления возможности занять освободившееся место в Государственной Думе (своеобразный «золотой парашют» для последнего), повисают в воздухе, не получают своего логического завершения.

Отдельного упоминания заслуживает такой фактор, как реакция общества. Согласно исследованию Иркутского Межрегионального института общественных наук, проведенного в рамках общероссийского проекта, протестные отношения в Иркутской области в своих разных проявлениях были выражены как нигде. Эксперты предлагали разные интерпретации этого феномена, но факт остается фактом. Именно это неясное чувство протеста составляло фон выборов. Основным объектом, на который был направлен протест, была, естественно, власть. И власть сделала еще одну ошибку, дав все поводы для идентификации одного из кандидатов как кандидата власти. Естественно, что общественные настроения, общественное мнение нельзя рассматривать как нечто единое. Но главное, что сыграло огромную роль в выборах, – это, во-первых, упомянутая «рассеянная», «рассредоточенная» протестность, формирующаяся за счет разных социальных групп и, во-вторых, то, что эту протестность имеет смысл сравнить с ветром, который мог надуть любые паруса. С таким «природным» феноменом ничего не смогла сделать предвыборная технология, примененная для снятия главного оппозиционного кандидата. И вообще технологичность осталась не у дел в этом случае, потому что результатом оказалось сокрушительное поражение кандидата власти С. Серебrenникова. Но и победивший на выборах В. Кондрашов не может рассматриваться как подлинный триумфатор, потому что основным результатом выборов бы-

ло протестное голосование против власти, слепой протест, искавший свое законное выражение. Но данный результат с трудом поддается какой-либо калькуляции или легитимизации. Это своего рода событие, чей смысл равен сам себе, без всякой возможности отчуждаемости в чью-либо пользу. В данном случае и проявилась, собственно, рациональность П, с которой ничего не смогла поделаться первая, рассмотренная выше. Я имею в виду рациональность, обусловленную самой демократической процедурой.

В ходе борьбы уже за результаты выборов можно рассуждать о процессе властной рационализации как о игре с нулевой суммой между победившим кандидатом и губернатором по принципу или-или (поддержка со стороны губернатора и обеспечение ресурсов или постоянный конфликт с непредсказуемыми результатами). Как итог этой борьбы – отчуждение смысла самих выборов, выразившееся в заявлении мэра о поддержке партии «Единая Россия» и в том, что единственной партией мэра является «партия иркутян». Таким образом, мы видим сохранение традиционалистской модели политического взаимодействия общества и власти по принципу: «мы» – «они» вне всякого института посредников (смотри соответствующие составляющие синдрома Пая). Но в это же время можно рассуждать и о возможности политического развития по определенным институциональным логикам вне контроля и предсказуемости со стороны власти.

1. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra. – 2009. – № 5/6 (47). – С. 56.

2. Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2(70).

3. Ильин М. В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. – М., 1997.

4. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России / С. Кордонский. – М., 2008.

5. Пай Л. Незападный политический процесс // Полит. наука. – 2003. – № 2. – С. 66–86.

6. Панов П. В. Локальная политика в разных измерениях // Полит. наука. – 2008. – № 3. – С. 9–31.

7. Рябов А. Самобытность против модернизации – парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху / А. Рябов. – М., 2005.

8. Салмин А. М. Современная демократия: очерки становления / А. М. Салмин. – М., 1997.

1. Guelman V. Deadlock of authoritarian modernization // Pro et Contra. – 2009. – N 5–6 (47). – P. 56.

2. Guelman V. Authority, government and local regimes in Russia: analysis limits // Reserve stock. – 2010. – N 2(70).

3. Iliyn M. V. Words and meanings : Experience of description of main political concepts / M. V. Iliyn. – M., 1997.

4. Kordonskiy S. Estate structure of post-soviet Russia / S. Kordonskiy. – M., 2008.

5. Pay L. Non-Western political process // Political science. – 2003. – N 2. – P. 66–86.

6. Panov P. V. Local policy in different dimentions // Political science. – 2008. – N 3. – P. 9–31.

1. Riabov A. Uniqueness against modernization – paradoxes of Russian policy in post-stabilization epoch / A. Riabov. – M., 2005.

8. Salmin A. M. Contemporary Democracy: outlines of the formation / A. M. Salmin. – M., 1997.

9. Сурков В. Тексты 97–07. Статьи и выступления / В. Сурков. – М., 2008. – С. 48–51.

10. *Diamant A.* Is There Non-Western Political Process? Comments on Lucian W. Pye's "The Non-Western Political Process" // *The Journal of Politics.* – 1959. – Vol. 21, N 1. – P. 123–127.

9. *Surkov V.* Texts 97–07. Essays and speeches / V. Surkov. – М., 2008. – P. 48–51.

10. *Diamant A.* Is There Non-Western Political Process? Comments on Lucian W. Pye's "The Non-Western Political Process" // *The Journal of Politics.* – 1959. – Vol. 21, N 1. – P. 123–127.

Unpredictability of the Russian Political Process (Mayoral Elections in Irkutsk in 2010 as the Case-study). Part 2

D. V. Kozlov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns the analysis of results of mayoral elections in Irkutsk in 2010. The author considers the results of elections in terms of matching of distinct levels (federal and regional) of political process development in modern Russia. Besides the probability of examining of contemporary Russian political process in terms of various modernization theories is regarded.

Key words: modernization, elections, mayo, political process, the Eastern type of society, the Western type of society.

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, научный директор МИОН, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, оф. 312, тел. 8(3952)202270, e-mail: mimo@hist.isu.ru

Kozlov Dmitry Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, the Irkutsk State University, Scientific Director of the Center for Advanced Studies and Education (CASE), 664003, Irkutsk, Karl Marx, 1, office 312, phone 8(3952)202270, e-mail: mimo@hist.isu.ru